

К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества

В.А. ЯДОВ

В выступлениях правительственных лиц, в научной литературе и СМИ последних лет постоянно говорится о том, что России надлежит интенсифицировать процессы модернизации и определить свой национальный путь в будущее. Я попытался очень сжато резюмировать, что мы можем извлечь из научного багажа социологии в качестве полезного в этом «фокусе» знания. Намерение слишком смелое, но вынужденное в силу необходимости сказать что-то внятное по трудной и жизненно важной проблеме. Поскольку относящаяся к нашему предмету литература очень обширна, придется злоупотреблять подстрочными комментариями.

Ключевые слова: глобализация, глобальная культура, зависимость от прошлого, культурное разнообразие, менталитет, модернизация, российское общество, системы ценностей

Теоретические рамки. Можно утверждать, что в теоретической социологии сформировались три макропарадигмы, три созвездия теорий, позволяющих искать ответ на наш вопрос. Сторонники активистского подхода в объяснении социальных процессов концентрируют внимание на *пусковом механизме* изменений – агентах, которые, подобно тому, как это имеет место в химической реакции, «запускают» процесс¹. В рамках другой теоретической парадигмы предмет исследования – *национальные особенности*, мешающие «чистоте» реакции. Наконец, имеет место смена самого *объекта* социологического знания: не социум как особое общество, но мировая система, в которой особые общества – ее элементы. В данной метапарадигме экзогенные условия и механизмы изменений не менее существенны, чем эндогенные.

Зависимость от прошлого. В мировой и отечественной социологии, как и в других науках социально-гуманитарного знания и философии обсуждается проблема влияния исторически сложившихся социальных институтов, культуры и национального менталитета на процессы модернизации. Предложенная Карлом

¹ Так называемые активистские или деятельностно-активистские подходы, предложенные Дж. Александером, М. Арчер, А. Гидденсом, А. Туреном, П. Штомпкой и др. Эту парадигму я полагаю наиболее адекватной современности.

Поланьи концепция зависимости социально-экономических изменений и, прежде всего, социальных институтов от исторически пройденного пути является чуть ли не краеугольным камнем в дискуссиях относительно будущего народов и государств в миросистеме. В отечественной литературе на эту тему – масса публикаций [Бессонова 1997; Заславская 2003, с. 87; Кирдина 2001; Нуреев 2009; Федотова 1997].

Сама идея не оригинальна. Ее сформулировал К. Маркс, который писал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 27. с. 119]. Карл Поланьи назвал это явление *path dependence*, имея в виду историко-культурную инерцию социальных (прежде всего, экономических) институтов.

Отечественные экономисты следом за Александром Аузаном именуют такой тип развития экономики движением по колее, из которой непонятно – можно ли выйти [Аузан 2005]. Смысл метафоры колее в том, что, построив сеть железных дорог, дешевле заменить колеса поезда при переходе на колею иной ширины, чем перестраивать всю сеть. Социологи, переводя проблему с языка экономической выгоды в плоскость реальной возможности смены пути, пишут о России как о «другой» и «параллельной Европе» [Федотова 1997; Пастухов 2006, с. 6–7; В поисках теории российской цивилизации 2009]. К тому же само направление миросистемных изменений не диктуется неким оператором «мир-транспортного» движения.

Эмпирически проблема переводится в плоскость компаративных межкультурных, межстрановых исследований. Современные технологии позволяют оперировать колоссальными массивами достаточно надежных данных международных мониторинговых проектов таких, как *European Social Survey (ESS)*, *World and European Value Survey*² и другие. Однако остается принципиальный вопрос: о чем свидетельствуют те или иные данные³? В рамках активистской парадигмы ответ на этот вопрос надо искать, сопоставляя реальные практики народов, коль скоро именно практики [Волков, Хархордин 2008] непосредственно консервируют или же трансформируют социальные структуры.

Компаративный анализ систем ценностей позволяет приблизиться к ответу с учетом того, что не ценностные приоритеты данной культуры как таковые, но цен-

² ESS проводится в 30 странах с двухлетним интервалом (2002-2008), в России - с 2006 г., и содержит колоссальный массив данных о состоянии домохозяйств в объективных показателях, принятых статистическими службами, и некоторых оценочных вопросах о качестве жизни (более 120 показателей). См. русскоязычный сайт <http://www.ess-tu.ru>; В двух других проектах отслеживаются изменения ценностных структур населения стран и ценностных ориентаций граждан. Данные этих обследований так же общедоступны (См. *World Values Survey web site*; *European Values Survey web site*)

³ Например, Б.З. Докторов, опираясь на статистику индексов международного проекта «Ожидая изменения в Европе» (*Socio-cultural tools of analysis. Eurotrends. Euromap. Euroscan*. RISC, Report № 21. April 1991) отмечает, что распределение населения России по десяти социокультурным группам статистически отлично от средневропейского распределения. Но если осуществить подобные вычисления для других стран, то будет получен аналогичный (математически) результат, «и в этом смысле правомерно говорить об уникальности сознания населения каждой страны» и далее: «Следуя такой логике, можно вообще доказать отсутствие «европейской» социокультурной ткани и развития единой техногенной цивилизации» [Докторов 1994, с. 4-19].

ностные ориентации людей потенциально реализуются в их практиках. Именно потенциально, т.к. наше поведение далеко не всегда согласуется с собственными ценностными ориентациями⁴. В этом отношении мне представляется более адекватным концептом понятие национального менталитета.

Ценностные сопоставления. Что можно извлечь из компаративного анализа данных о национальных структурах ценностей? Е.Г. Ясин, анализируя статистику общемировых обследований национальных ценностных структур по методике Шварца⁵, пришел к выводу, что в сравнении со странами Азии, Африки и Латинской Америки, россияне достаточно близки к западноевропейской цивилизации, но более консервативны, традиционны, более склонны к порядку [Ясин 2007, с. 106]. В.С. Магун и М.Г. Руднев на основе общеевропейского исследования (20 стран) по той же методике (2006–2007 гг.) заключают, что, отличаясь от западноевропейцев, мы демонстрируем схожесть с народами других постсоветских стран. Россиянам свойственна более высокая потребность в защите со стороны государства, менее выражены потребности в свободе и самостоятельности, склонности к риску [Магун 2006].

В исследованиях по методике Р. Инглхарта⁶ население России, как и других бывших стран СЭВ, отличается от населения стран Западной Европы доминированием ориентаций людей на материалистические ценности *versus* постматериалистических, таких как ценности саморазвития личности, свободы и обеспокоенности об охране среды обитания. Сопоставляя системы ценностей народов европейских стран, Н.М. Лебедева приходит к следующему выводу: «Посткоммунистические общества лежат намного ниже, чем другие, по шкалам доверия, толерантности, ценностей самовыражения, являющимся главными в измерении кросскультурной вариативности» [Лебедева 2009]. Заметим, что в этих констатациях фиксируется вековое наследие давнего и недавнего прошлого.

Е.Г. Ясин предпринял попытку рассмотреть динамику сдвигов в ценностях российской культуры за последнее десятилетие (инструмент Шварца) и пришел к следующему выводу: «По важнейшим направлениям произошел откат назад..., культурные предпосылки модернизации ухудшились». Таково же заключение и сотрудников Института социологии РАН, которые провели сопоставление ценностных ориентаций респондентов всего лишь за период с 2004 г. по 2007 г. За эти три года доля принимающих ценность свободы сократилась с 26% до 20%, а доля сторонников сильного государства увеличилась с 41% до 47%.

Заслуживают серьезного внимания исследования Н.И. Лапина, опирающиеся на пять волн всероссийского мониторинга ценностей и интересов населения (начиная с 1990 г.), а также на данные упомянутого Европейского социального исследова-

---

⁴ Было показано, что высшие уровни диспозиционной иерархии (жизненные устремления и ценностные приоритеты) так или иначе регулируют социальное поведение в долгосрочной перспективе. Социальное поведение в конкретных жизненных обстоятельствах может существенно корректироваться этими обстоятельствами [Саморегуляция и прогнозирование... 1979].

⁵ Методика Шварца предназначена для выявления структур ценностей, присущих данной культуре, т.е. не ценностных ориентаций опрашиваемых [Schwartz S.N., Lehmann A., Roccas S. 1999].

⁶ Эта методика, в отличие от инструментария Шварца, позволяет фиксировать именно ценностные ориентации респондентов.

дования. Изучая структуры ценностей населения России, Лапин интерпретировал «толерантный симбиоз культурно разнородных ценностей» как рациональный ответ жизненных миров россиян на аксиологический вызов трансформирующегося общества – ответ, который обеспечивает взаимопонимание между людьми в условиях конфликтующих потоков ценностей и который открыт различным вариантам эволюции общества [Лапин (1) 2009]. Автор также полагает, что сложившееся в «толерантном симбиозе» паритетное соотношение современных и традиционных ценностей не выпадает из восточноевропейских рамок и не является роковым препятствием для модернизации российского общества, а наиболее значимое ее препятствие коренится в отсутствии сетевых институтов саморазвития, прежде всего – инновационных [Лапин (2) 2009].

Люди испытывают, словами П. Штомпки, культурную травму «переходного периода», стремятся обрести адекватную ценностную ориентацию, причем, в России процесс этот затруднен дезинтеграцией общества, отсутствием гражданской солидарности, противоборством в среде элит⁷. Отсюда – наблюдаемые возвратные сдвиги к традиционализму в массовых опросах и заметные различия в ценностных предпочтениях жителей столичных городов и провинции, старших поколений и молодежи, что, по заключению Н.И. Лапина, и приводит к «толерантному симбиозу» современных и традиционных ценностей.

Менталитет. Обратимся к публикациям, в которых рассмотрены особенности национального менталитета. Начнем с определения самого понятия. Согласно одному из предложенных определений менталитет есть «комплекс коллективных социальных установок, особенностей *практического разума и повседневного мышления*; его устойчивых форм, что фиксируется в метафорах, поговорках, символах» [История ментальностей, историческая антропология... 1996, с. 56; Ментальность россиян... 1997]. Менталитет, таким образом, интегрирует как осознанное из данной культуры, так и подсознательно усвоенное, т.е. все то, что непосредственно соотносится с поведенческими практиками. Важно также заметить, что люди в своем восприятии жизненного мира руководствуются *социальными* представлениями. «Индивид не столько мыслит сам, сколько актуализирует в себе опыт прошлых поколений, цитирует их социальный опыт мышления. Он как бы мыслит заново уже помысленное до него», – отмечает Серж Московичи [Московичи 1996, с. 98]. Поэтому можно сказать, что особенности менталитета так или иначе связаны с нашими социальными представлениями.

Приведу некоторые примеры результатов, полученных при эмпирическом изучении менталитета россиян. К. Касьянова применила тест ММРІ на российских студентах и пилотах, сопоставляя свои данные с результатами, полученными другими психологами из многих стран. Она нашла, что россияне зашкаливают по тесту «циклоидность» [Касьянова 1994]. В переводе с языка психоаналитиков на общепонятный это означает, что мы не склонны к систематически выполняемой

⁷ Александр Ахиезер именует Россию «расколотым обществом» и показывает, что раскол со времен Петра Первого становится особой чертой российской культуры [Ахиезер А.С. Россия – расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. с. 3–57]. См. также «В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С.Ахиезера» / Составитель А.П. Давыдов. М.: Новый хронограф, 2009.

деятельности, независимо от настроения. Общеизвестно, что россияне предпочитают закончить непременно работу рывком в последний момент, т.е. когда гром уже грянул и надо ждать грозы.

Стандартные курсы по менеджменту непременно включают тему о национальных особенностях трудовых взаимоотношений, связанных с особенностями менталитета сотрудников. Применяв разработанный с этой целью психологический тест Герда Хофштеда и сопоставив полученные результаты с многочисленными данными по разным странам мира, Е.Н. Данилова, В.П. Дубицкая и М.И. Тарарухина [Данилова, Тарарухина 2005, с. 193–213; Дубицкая, Тарарухина] нашли, что россияне оказались в близком соседстве со скандинавами, немцами и израильтянами. Хофшted обозначил этот кластер трудовых взаимоотношений формулой «хорошо смазанная машина»: жесткие технологические правила и гибкие взаимоотношения руководства с подчиненными. В США и Канаде, напротив, действует жесткое правило – за неисполнение указания начальника – немедленное увольнение. Россиянам свойственна «фемининность» (одна из шкал теста): женственность проявляется в более значимой роли интуиции, ценности свободного от работы времени. Западноевропейцам и американцам свойственна «маскулинность» – напористость, рационализм, настойчивость в достижении целей⁸. Россияне больше ценят гарантии со стороны организации, тогда как западноевропейцы больше полагаются на себя.

О.В. Хархордин обращает внимание на традиционную экстернальность русского человека – продукт российского православия. В отличие от протестанта, наш соотечественник в своих ошибках и неудачах привык винить обстоятельства и кого-то «другого», не себя самого. С православием же автор связывает отсутствие непременно для протестанта практического доказательства своего успеха. Этим, в частности, автор объясняет то обстоятельство, что многие ученые вполне довольствуются признанием коллегами их открытия, например, в области техники, и не стремятся практически внедрить изобретение.

Институты и практики. Нормы культуры, менталитет способны стать «пусковым механизмом» поведения людей при условии, что институционализованные правила этому не препятствуют. Будем считать таковыми правилами узаконенные предписания и формально не прописанные, но общепринятые. Последние также влекут санкции в виде морального осуждения.

О российской институциональной матрице упоминалось выше со ссылкой на ряд теоретических публикаций [Бессонова 1997; Заславская 2003, с. 87; Кирдина 2001; Нуреев 2009; Федотова 1997].

Исключительно важными в этом плане представляются исследования О.И. Шкаратана⁹. Инструментарий этого проекта позволяет «схватить» одновременно эмпирические свидетельства институциональных рамок социальных взаи-

⁸ Индекс «фемининность – маскулинность» оказался тесно связанным с ответом на вопрос «проиграл или выиграл респондент от рыночных реформ»: выигравшие имеют индекс маскулинности равный 49, а проигравшие – 10.

⁹ Эмпирическая часть этого отчета, выполненная Г.А. Ястребовым, публикуется в этом номере, см. статью «Характер социально-экономической дифференциации населения: сравнительный анализ России и Европы» – редакция журнала «Мир России».

моотношений и реальных практик. Причем, в критериальной особенности социума: состоянии его социального расслоения.

Опираясь на метод энтропийного анализа, исследователи сконструировали своеобразный показатель «справедливости» неравенства, отражающий закономерность распределения респондентов в пространстве, измерения которого заданы признаками: род занятий, уровень образования, доход. Они исходили из того, что в постиндустриальных обществах, в отличие от индустриальных, распределение людей по социальным позициям в большей мере сопряжено с их человеческими ресурсами (образованием, знаниями и опытом), чем ресурсами сугубо экономическими. Анализ эмпирического материала показал, что это действительно так: в 14 западноевропейских странах показатель «справедливости» неравенства оказался существенно выше, чем в 8 постсоциалистических странах¹⁰. Более того, полученный результат согласуется с результатами анализа субъективных представлений населения: доля респондентов, считающих, что их материальное вознаграждение адекватно затрачиваемым усилиям и результатам труда в постсоциалистических странах варьировалась от 9,9% (в Польше) до 22,4% (в Словении), тогда как для стран западноевропейских она составила 22,8% и выше.

Затем исследователи сопоставили род занятий респондентов и их родителей. Как известно, однородность занятий присуща традиционным обществам, тогда как неоднородность в большей мере соответствует обществам динамичным. Это свойство на эмпирическом уровне также позволяет выявить энтропийный анализ, смысл которого применительно к данной задаче сводится к оценке случайности/неслучайности траекторий межпоколенной социальной мобильности. Наибольшая энтропия (т.е. неопределенность) была зафиксирована в Эстонии и Великобритании, а наибольшая однородность (т.е. неслучайность) – в России и Португалии. Вывод комментариев не требует.

Россия в миросистеме. К настоящему времени предложено немало глобалистских концепций от крайне оптимистических (миросистема есть благо во всех отношениях) до катастрофических в смысле интенсификации глобальных техногенных и социогенных рисков [Wallerstein 1979; Хардм, Негри 2004; Многоликая глобализация... 2004; Robertson 1992]. Наряду с этими подходами обретает популярность концепция фрагментации глобального пространства [Cotesta 2008, p. 26]¹¹. В нашем с Т.И. Заславской докладе на Общероссийском социологическом конгрессе [Заславская, Ядов 2009] я предложил рассматривать глобальную систему как неустойчивое образование экономического, политического и культурного полей. Нормативные правила, регулирующие взаимодействия национально-государственных и транснациональных субъектов на этих полях, отличаются не только содержанием, но и степенью принудительности: в экономическом поле – наиболее высокой, в политическом – ситуативно гибкой, в сфере культуры – минимальной. Взаимо-

¹⁰ В первой группе их величина колебалась от 22,8 (Финляндия) до 37,6 (Швейцария), во второй – от 9,9 для Польши до 18,3 и 22,4 для Эстонии и Словении, Россия и Украина – 10,2 и 10,1.

¹¹ Так, Витторио Котеста считает, что в миросистеме имеют место «не только взаимосвязи между ансамблем целого и его элементами, но и между дискретными элементами того и другого, создающие транснациональные, транскультурные, трансрелигиозные и прочие связи».

действия между тремя полями различны. Политико-экономические объединения стран образуют узлы взаимосвязей, которые потенциально и реально фрагментируют миросистему. То, что называют глобальной культурой, остается предельно глокальной, ядро цивилизационных и национальных культур несравнимо более устойчиво к внешним воздействиям, нежели их периферия (заимствования языковых практик и стереотипов «поп-культуры»).

Неодинаковая жесткость нормативных требований – принципиально важная констатация. Согласно теории становления правил Тома Барнса и Елены Флэм [Burns, Flam 1987], следует различать три модальности: *систему правил* – как их содержание, *режимы правил* – как они поддерживаются санкциями и, что особо важно, – их практическое освоение – *грамматику правил*. Здесь уместна аналогия с личностным стилем деятельности. Как экспериментально установил В.С. Мерлин, каждый индивид выполняет предложенную обстоятельствами задачу своим индивидуальным стилем, потому что люди различаются особенностями психики, в нашем случае – их национальным менталитетом.

Далее рассуждаем так. Императивы рыночных отношений в глобальном мире – система правил – универсальны. Однако режимы правил, санкции за их нарушение далеко не одинаковы. Что же до грамматик правил, то их российская национальная особенность выражена формулой: «жесткость законов компенсируется необязательностью их исполнения».

Заключение

Первое. Многочисленные исследования не оставляют сомнений в национальных особенностях России и российского общества. Российскую, можно сказать, цивилизацию отличают:

- a) свойства институциональной матрицы;
- b) уникальная культура;
- c) уникальный менталитет сограждан;
- d) особенности поведенческих практик как «грамматик» исполнения нормативных предписаний.

Второе. Как и другие даже самые продвинутые страны, наша страна не может двигаться в будущее вне зависимости от глобального социума, ибо является составляющей *Globalschaft*. Изменения в мировой системе так или иначе определяют общее направление изменений в его подсистемах, цивилизационных и страновых.

Третье и главное. Особый путь России является особым в смысле конкретизации национального интереса – повышения ресурсоспособности в конкурентной среде макросоциума. Взаимодействия с мировой системой регулируются международным правом, а трансформации в рамках страны осуществляются присущими России особенностями социальных институтов, культуры, менталитета и стиля практических действий граждан.

Особенности российского стиля в модернизации в Globalschaft

Концептуальные рамки

- Деятельностно-активистские теории (М. Арчер, Э. Гидденс, А. Турен, П. Штопка)
– *Новые социальные структуры (институты) создают люди, социализация которых происходила в системе, исторически сложившейся ранее.*
- Теория Path dependence К. Поляни, Д. Норта
– *В России А.А. Аузан называет эту зависимость «колеи», из которой неясно, как выйти.*
– *В концепции «институциональных матриц» С.Г. Курдина выделяет радикальные различия западноевропейской и восточной матриц экономических, политических институтов и культуры доминирования «я» над «мы» или же «мы» над «я».*
- Теория глобальной мир-системы – принципиально иной фазы истории человеческой цивилизации.
– *Экзогенные обстоятельства и изменения воздействуют на общества и страны не менее чем эндогенные-внутренние.*

Тезис №1 - В Globalschaft путь России определяется соотношением политико-экономических сил и уровнем конкурентоспособности страны на мировом рынке.

Тезис №2 - Особым, т.е. отличным от других стран, является **не** вектор движения России в будущее, но способ, национальный стиль социально-экономических и прочих трансформаций («модернизации»).

Тезис №3 - Национальный стиль трансформационных процессов определяют:

- особенности социальных институтов;
  - особенности нашей культуры;
  - свойства русской ментальности
- и как результат –
- особенности практик всех групп населения, властных структур и элит общества.

Социальные институты

- Трудно оспорить факт доминирования государства в России и, напротив, гражданского общества над государством в странах Запада.
- Опираясь на энтропийный анализ, О.И. Шкаратан показал, что при сопоставлении рода занятий респондентов и их родителей наибольшая неоднородность зафиксирована в Эстонии и Великобритании, а наибольшая однородность – в России и Португалии.
- Это убедительное эмпирическое доказательство *институциональной колеи* традиционного общества.

Культура по критерию ценностных структур

- Е.Г. Ясин, основываясь на материалах *World Value Survey* (методика Шварца для сопоставления национальных структур ценностей), считает, что в сравнении со странами Запада россияне более консервативны, традиционны, более склонны к порядку.
- В.С. Магун и М.Г. Руднев, основываясь на материалах *European Value Survey* (по той же методике), полагают, что россиянам свойственна более высокая потребность в защите со стороны государства, менее выражены потребности в свободе и самостоятельности, склонности к риску.
- Фиксируются заметные сдвиги в иерархии ценностей на протяжении 20 и менее лет.
- По данным Е.Г. Ясина и ИС РАН – сдвиг в сторону традиционализма.
- По данным Н.М. Лебедевой (ГУ-ВШЭ) (на базе методик Р. Инглхарта) население России и других бывших стран СЭВ образуют кластер с доминированием ориентаций на материалистические ценности, население стран ЕС – кластер с доминированием постматериалистических ценностей.
- Н.И. Лапин в почти 20-летнем мониторинге ценностных ориентаций россиян находит «толерантный симбиоз культурно-разрозненных ценностей».
- Е.Н. Данилова и М.Ф. Черныш фиксировали, что в отношении продолжения реформ жители Шанхая и Петербурга ничем не различаются.

Не следует ли отсюда, что
ценностные структуры намного более изменчивы, тогда как национальный менталитет гораздо более консервативен?

Менталитет

- Одно из определений: Менталитет есть комплекс коллективных социальных установок, особенностей практического разума и повседневного мышления.
- С. Москвичи о социальных представлениях: «Индивид не столько мыслит сам, сколько актуализирует в себе опыт прошлых поколений, цитирует их социальный опыт мышления. Он как бы мыслит заново уже помысленное до него».
- Мораль: можно утверждать, что наши социальные представления так или иначе связаны с особенностями менталитета.
- Свойства российского менталитета эмпирически тестировала (ММРІ) К. Касьянова и установила, что радикальное отличие русских испытуемых (пилоты) от западноевропейцев в Неготовности к планомерной систематической деятельности (шкала циклоидности). Наши сограждане исполняют «заданное» в последний момент. Это знакомо каждому.
- Не требует доказательств на литературу российское извечное наплеватьство на законы и административные установления.
- Двух этих особенностей нашего менталитета достаточно, чтобы характеризовать российский стиль повседневных практик.

Итак:

«Особый путь» России является не в том особенным, что он иной в сравнении с лидерами в мировой экономике (и потому – в мировой политике). Он лишь потому особый, что трансформации в рамках страны осуществляются присущими России особенностями социальных институтов, культуры, менталитета и стиля практических действий граждан.

Литература

- Аузан А.Л. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3.
- Ахиезер А.С. Россия – расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1.
- Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1997.
- В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера / Составитель А.П. Давыдов. М.: Новый хронограф, 2009.
- Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
- Данилова Е.Н., Тарарухина М.И. Российская производственная культура на фоне культур других стран мира // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В. Ядова, М.: Изд. «Флинта», 2005.
- Докторов Б. З. Россия в Европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3.
- Дубицкая В.П., Тарарухина М.И. Как управляют в России. Результаты исследования по методике Герда Хофштда» (Неопубликованная работа, любезно предоставленная с разрешением на нее сослаться).
- Заславская Т.И. Посткоммунистические трансформации // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 2003.
- Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2009. №1.
- История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РГГУ, 1996.
- Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: ИЭИ ОПП СО РАН, 2001.
- Латин Н.И. (1) Ценности населения макрорегионов России по оси «открытость изменениям-сохранение» // Россия в Европе. По материалам международного социологического опроса «Европейское социальное исследование». М.: Логос, 2009.
- Латин Н.И. (2) Ценности «сохранение-открытость изменениям» и сетевые инновационные институты // Общественные науки и современность. 2009. № 5.
- Лебедева Н.М. Модернизация России: успехи, препятствия, перспективы (по материалам эмпирических исследований) / Сообщение на круглом столе научного семинара в ГУ-ВШЭ под рук. Н. Тихоновой, 29.10.2009 / new.hse.ru/sites/mbd/program.aspx

- Магун В.С., Руднев М.Г.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. с. 119
- Ментальность россиян / Под ред. И.Г. Дубова. М.: Имидж-Контакт, 1997.
- Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире // Под ред. П. Бергера и С. Ханнингтона. Пер. с англ. под ред. В.В. Сапова. М.: Аспект-Пресс, 2004.
- Московичи С.* Век толп. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1996.
- Нуреев Р.М.* Россия: Особенности институционального развития. М.: Изд-во «Норма», 2009.
- Пастухов В.Б.* Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // Общественные науки и современность. 2006. № 2.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979
- Федотова В.Т.* Трансформация «другой» Европы. М.: Ин-т филос. РАН, 1997.
- Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004.
- Хархордин О.В.* Культурные барьеры // Forbes Russia. 2010. № 3.
- Шкаратан О.И. и коллектив* Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа групп, 2009.
- Ядов В.А.* Лекции о состоянии современной социологической теории в приложении к российским трансформациям. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Ясин Е.Г.* Модернизация и общество. Доклад на VIII Международной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие», 3–5 апреля 2007 г. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007.
- Burns T., Flam E.* The Shaping of Social Organization. Social Rule System Theory with Application. London: Sage Publ., 1987.
- Cotesta V.* From national-state to global society: the changing of contemporary sociology // International Review of Sociology. 2008. March. Vol. 18. No 1.
- Robertson R.* Globality, global culture, and images of world order // Haferkramt H. and Smelser N. (Ed) Social Change and Modernity. Berkeley University of California Press, 1992.
- Schwartz S.N., Lehmann A., Roccas S.* Multimethod Probes of Basic Human Values / Social Psychology and Culture Context: Essays in Honor of Harry C. Triandis Adamopolos, Y. Cashima. Newbury Park. CA: Sage Publication, 1999.
- Wallerstein I.* The capitalist World-Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.